ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 9(251) – 2017

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

Михаил
ЧЕРНУШЕНКО

Я – русский

Поэма

Я русский. Но что это значит?
В пластичных
славянских сердцах
Варяжская ярость иначе
Вскипела в наших отцах.

Да, долго в седле
и в драккарах
Искали себе они честь,
Но в Божьих являемых карах
Смогли распознать и прочесть

И стен цареградских святыню,
Твердыню для стали и чар,
И мощь, от которой простынет
И след знаменитых хазар.

Узнал ведь варяг от ромея,
В чём смыслы меча и креста,
Быть ужасом древнего змея
В купели Христа перестал.

Вода херсонесской купели
Струилась Днепром за Урал –
На струги и стяги глядели,
Кто в чаще лесов умирал.

И стяги со Спасовым взором
Встречали их трепетный взгляд,
Надолго впечатан в котором
Был древний и страшный обряд

В избушке в лесу у старухи,
Вязавшей детей средь костей
Колдуний, чьи тёмные духи
Входили в дрожащих гостей.

Я русский. Мне любо измерить
Ладьями по рекам простор,
Но в лес ради чуди и мери
Я шёл и там вёл разговор.

К огню и к железу готовый,
Когда я кончал свои дни,
То, кровью омыты Христовой,
Мной становили они.

Я русский. С пелёнок знакома
Мне сказка про бабу-ягу,
Но в чащу лесную как дома
Давно заходить я могу.

А половцы степи мне дали,
Роднясь постепенно со мной,
Касоги и торки – все стали
Со мною страною одной.

Двуглавый орёл Цареграда
Растил себе смену властей –
Людей неленивого склада, –
Церковных владык и князей.

Но в княжьей усобице
вздорной
Не видел в себе я пока
Той долгой отваги, упорной,
На весь материк, на века,

Которую ветер с востока,
Сметая мои города,
Вонзил в мою душу жестоко,
И страшно мне стало тогда.

И долгою волей монгола,
Смирявшей сердца и уста,
Я шёл, чтоб от самого дола
Взойти до престола Христа,

Чтоб не обернуться, чтоб даже
Не слышать угрозы и лесть,
Которыми запад тогда же
Мне в душу пытался залезть.

И месть я Христу предоставил
В безмолвии долгих снегов,
Подставил я выю, как Авель,
И выиграл я у врагов.

Они разделились на двое,
На трое, на десять, на тьму,
А Сергий, пред Троицей стоя,
Вернул меня мне самому.

В единстве о подвиге новом,
И раб, и себе господин,
Я в поле святом Куликовом
И лёг, и воскрес как один.

Кто верен Чингиза завету –
Своих не предать никогда?
Помыкав по белому свету,
В меня уходила Орда.

За воином воин на службу
На Русь приходил навсегда,
Народ за народом на дружбу
Со мною решался тогда.

И, Божьего сада ограда,
Преграда для действия зла,
Распалась стена Цареграда,
Когда его правда ушла.

Орла этой павшей державы
Я принял на башни Кремля,
И римской пророческой славы
Исполнились царь и земля.

Я русский. Четвёртого Рима
Не будет уже до конца.
Я самодержавен. Я зримо
Стою и не прячу лица.

В османском плену патриархи,
Страдая, взывали ко мне,
И слали посольства монархи,
Мечтая втайне о войне.

Война –
мой удел неподдельный,
Беда или слава моя,
Но в мире сем
враг мой смертельный
Один у меня – это я.

И бесов подложные лица
Мне поводы станут давать,
То ложно и скверно молиться,
То против себя воевать.

И царь, обольщаемый славой,
Себя от земли отдалил,
Судил её правдой неправой
И, что неделимо, делил,

На землю делил и опричных,
Людей с головами собак;
В державных делах
или в личных
Смешались и правда, и мрак.

Ходила та кривда недолго,
Да долог урон да урок,
Хоть стала моею вся Волга,
Настал испытания срок.

В безумии Смуты
кто – русский?
Я сам же себя убивал.
Мой путь – и высокий, и узкий –
Ветвясь, обрывался в провал,

Где правда и кривда похожи,
Где сам я себя оболгу,
Царя растерзаю – и что же?
Ворота раскрою врагу.

А враг-то
сперва был ничтожный:
Ватаги воров без родства,
Их царь-самозванец подложный,
Казаки, поляки, литва,

Потом и наёмники шведы;
А там и сам польский король,
Узревший тут призрак победы,
С огнём заиграл свою роль.

Слуга всеземного латинства,
Мой запад и юг он губил,
И в Унии видя единство,
Моё он единство дробил.

Ах, он ли дробил, а не я ли
Хотел от монголов уйти,
Когда под Литву меня взяли
И в запад открыли пути?

Поддавшись Литве или Польше,
Искал я у них себе честь,
Но в них
превращался всё больше, –
За то ж и тая в себе месть.

Когда же опричные страхи
Застили мой взор на Москву,
Втоптала Варшава во прахе
То, чем я по сути живу.

Мою православную веру
Закон их теперь не терпел,
И Бог в Свою тайную меру
Отмерил им срок и предел.

В украине русской едва ли
Мои сохранялись князья –
Погибли, бежали, предали, –
И нищ, и бесправен здесь я.

От власти лукавой дурея,
Монетами славу ценя,
Сдавали в аренду евреям
Паны и мой храм, и меня.

На Русь, будто не исчезали,
Хазар-иудеев сыны
Вернулись из призрачной дали
Торговой немецкой страны

Скупать понемногу победы
По следу былого пути
Над теми, чьи вольные деды
Им дань отказались нести.

Но простонародная сила
Меня сохранила в себе,
В судьбе Судию упросила
И приговорила к борьбе.

И, странны как вещие знаки,
Дики как степные быки,
Вошли в мою долю казаки,
Иначе сказать, козаки.

Весь путь
этих бродников долгий
Собрал им страну на Дону,
В низовьях Днепра или Волги,
И память сложил им одну:

Они – это я на просторе
Клинками хранимых свобод,
Их долгие будни – в дозоре,
Их праздник – далёкий поход.

И праздник в разоре и в муке
По царству гулял моему,
Кто смел – то нагрел себе руки,
Но тысячи – взяли суму.

Вот Новгород шведами занят,
Поляки в палатах Кремля, –
Но Небо от вопля устанет –
И станет спасаться земля.

Ведь Сергия Лавру не сдали,
И слал он призывы к стране,
Чтоб люди –
кто живы – те встали
Во мне на священной войне.

Окреп я народами Волги,
Собрал я полки у реки,
И вспомнив о чести и долге,
В мой разум пришли козаки.

Бог дал, и сумел одолеть я,
Загнали врагов за Можай,
Сожжённый в огне лихолетья,
Прощён
возвращённый мне край.

И те козаки, что ходили
К Москве на разбой и войну,
Вернувшись, домой приносили
Мечту про державу одну.

А в Киевской Лавре святые
В безмерных своих чудесах
Поляков сердца непростые
В любовь приводили и в страх.

Я русский. И русской державой,
Царём в покаянном пути
Собравшись из бани кровавой,
О правде я стану расти.

Расти во все стороны света,
Встречь солнца
и к западной тьме,
Долинами длинного лета
И к долгой полярной зиме.

Ясак мой сибирским народам
Был мягче, чем беличий мех,
Походом – верхом и по водам –
Со мною шёл свадебный смех,

И в нём год за годом, как дети,
Народы рождались в меня,
И буду за них я в ответе
При свете последнего дня.

К востоку с упорством чалдона
Насквозь через весь материк
Пронёс я подножие трона
И Спасов таинственный лик.

А запад корона Варшавы
Уже удержать не могла,
И встал я за право державы
И ради попрания зла,

За праведность царского дела –
Удерживать зло под луной, –
Но больше... –
да Польша заела!
Ответят за всё предо мной!

Иуду и ляха – повесить,
Поджарить живьём – и на кол!
За всё отплачу я сам-десять,
Хоть буду я гол как сокол!

Тогда я как пан запаную,
Сам царь мне тогда не указ,
И руки на кукиш сверну я,
И зорко увидит мой глаз,

Чем вражьи сыны виноваты,
Татарин, поляк или жид,
И если бедны мои хаты,
То мир этот плохо лежит.

И долго на межах украйны
Делил я добро или зло,
А дело суждённой мне тайны
Меж тем к исполнению шло.

Я русский. Иные народы
С вопросом глядят на царя,
Сильны ли мои воеводы,
Верны ли Христу, или зря

На них возлагают надежды
Народы святого креста,
А русские – просто невежды,
Их узкая вера – пуста,

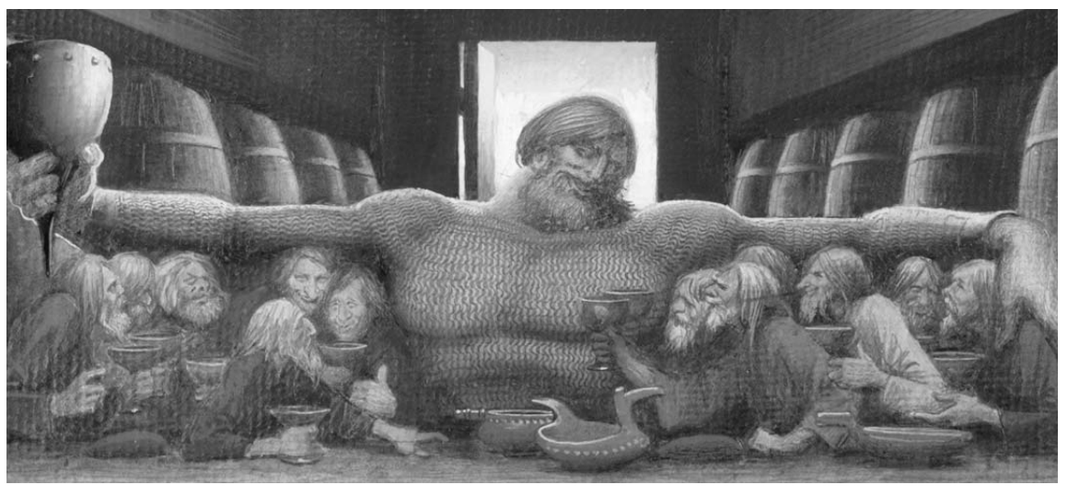
Реформы затеяли даже,
У греков учились опять,
И тут же: в решительном раже
За формы обрядов – стоять,

За перстосложенье –
в сожженье...
Но мой не пришёл ещё день,
Ведь царскому делу служенье
Введёт меня в Божию сень.

А строгие Троицы Лица
Такой осеняют судьбой,
Что редко кто зряче решится
Войти и вести за собой.

Лишь через черёд поколений
Незримые ныне сыны
Провидят в огне откровений,
Зачем им страданья даны.

А было: сынам Иафета
Их запад Европы стал мал,
И в разных концах всего света
Раздался их пушечный пал,



И золотом сталь зазвенела,
И Библии стали учить,
И патер и пастор умело
Друг друга смогли обличить.

И вязкою банковской властью,
Окутавшей в Англии трон,
Научно-оправданной страстью
Сквозь Лондон пророс Вавилон.

Наука, кредиты и порох,
Свобода расплода идей
В народах,
как в полых просторах,
Рассеяли новых людей.

Но пробы в Россию пробиться
Все тратились западом зря, –
Я сам в Амстердам обучиться
Пустился в персоне царя.

Я знаю, что он узурпатор,
Тиран да игрушка страстей,
Но пусть говорят –
реформатор,
Работник, любитель затей...

Я знаю: английские деньги,
Лефорт и масоны темны...
Зато теперь
с топа брам-стеньги
Мне дальние дали видны.

А главное, вызов их принят,
Я принцип и код их раскрыл,
Ведёт меня Бог, не отринет.
Да только куда? – Я забыл...

Ах да, я в Париже как дома,
Остзейский барон – это я.
А дома – труха да солома,
Тощает скотинка моя.

Мерсибо, дала Лизавета
Руси подышать, и опять:
Деревня – разута-раздета,
Дворянам по воле гулять.

Вот немка царицею стала,
Всё смутой едва не пошло,
Хоть Польша пылала сначала,
Да зло и ко мне проползло.

Панам ведь что я, что собака,
Что жид – как сыны сатаны,
Писали: "a wiara odnaka",
И вешали так, без вины.

Король им и сейм не указы –
Так надо быть зорче и мне,
Явлю им на небе алмазы
И души их в пекле на дне!

Поляка с жидом и собакой
Повешу, спалю, утоплю!..
Царице не любо?! – Однако
И я уже спать не люблю,

Не сплю, собираю все силы,
Поднять нужно тех, кто ослеп,
Кто злыднями шли до могилы,
Хребет прогибая за хлеб.

И поднял я виевы веки... –
Поднял он глаза сатаны,
И стал упырём он навеки,
Проклятием русской страны.

Пошёл Пугачом он по Дону,
По Волге, на южный Урал,
Лишь мерою верности трону
Я выжил и земли собрал.

Суворова чудо-солдата
Тогда же усвоил я стать,
И сгинула Польша куда-то,
И Порта устала блистать,

И вскоре увидел я море,
Где встарь в Цареград я ходил,
Воспринял я в новом просторе
Любого, кому я был мил,

Кто горе помыкав, утешен
Покоем, землёй и водой,
Со мною кто здесь перемешан
И связан одною судьбой,

Болгары, татары да греки,
Армяне и прочий народ,
Вот немцы, на море и реки
Приехав, селились у вод,

Я жил в молдаванах веками
Под небом, единым для нас,
Вчеканен в народы горами,
Позвал меня ныне Кавказ.

А впрочем, татары – татары,
Полякам тем паче я враг,
Евреям же все наши свары –
Как драка свиней и собак,

Упорства и злобы раздоров
Я смысла им не разъясню,
Для них что упырь,
что Суворов –
Припомнят козачью резню,

Хазарию вспомнят и Титом
Растёртый Иерусалим,
Ведь в римском пути я воспитан
И тайно Христом я храним.

А каинский дух противленья
Христа ненавидит всерьёз,
Таким на моё истребленье
Не жаль
ни их собственных слёз,

Ни жизней хоть сотнями сотен, –
Да только не жалко кому? –
Тому, кто от века бесплотен,
Уму, раскалившему тьму

Своим очерняющим светом, –
И тем, кто не прятали глаз
Пред Тем,
Кто распят был раздетым
В ту пятницу в сумрачный час.

А прочим –
так жалко, и очень,
И жизни, и света любви,
Хоть образ их веры неточен,
Ничьей им не надо крови.

Империя – долгое дело.
Я русский – я должен хранить
Руси многодетное тело,
Тянуть разноцветную нить.

Но вот гильотиной свободу
В Европе ввели упыри
И, срезав монарха народу,
Снесли и церквям алтари,

Разрезали нити преданий
И выдали банкам в залог
И выбор державных заданий,
И войн управляемый срок.

Спасались ко мне роялисты
И свой приносили настрой, –
Маркизы, аббаты, артисты, –
Вручил мне их Бог той порой.

Врага революции статус
Достался мне ходом времён,
И твёрдо запомнил я дату,
С которой я стану сроднён.

Двенадцатый год,
и двенадцать
Языков в Россию вошли
В единстве Европы дознаться,
Что спрятано в русской пыли,

Уведать, кому, как калеке,
Брести и добраться домой,
Кому здесь остаться навеки,
А кто тут останется – мной.

Французы,
голландцы да немцы,
Поляки – старательней всех, –
Фламандцы,
австрийцы, богемцы,
И даже швейцарцы – из тех,

Что свято служили из платы, –
Испанцы –
те больше за страх, –
Затем итальянцы, хорваты... –
Все нюхали порох, и прах,

И дым от московских пожарищ,
И ног обмороженных смрад, –
Тут выживший
стал мне товарищ
И плену был русскому рад.

И я разгадал своим сердцем,
Что болен я западной тьмой
Настолько,
что Бог иноверцам
Дал силу на миг надо мной.

И мстить было
мне невозможно,
Я цел их Париж сохранил,
А пленных в себя осторожно
Селил и себе породнил.

На площади,
там, где безглавый
Народ убивал короля,
На Пасху в сиянии славы
Всем воинством Бога хваля,

Пропел я Его литургию,
Победу Его, не мою,
И видел Париж ту Россию,
Которой я в небе стою.

И, плача, врагов генералы
Ходили кресты целовать
В руках иереев усталых,
Спешащих раздать благодать.

И с каждой
Рождественской датой,
На ёлках затепля огни,
Я вспомню: чужого солдата
Изгнал я как раз в эти дни.

Сто лет впереди ещё ждало.
Но дух революции грыз
В подполье дворцового зала
Ходы размножавшихся крыс.

Кавказ, Приамурье, Балканы,
Приморье, Хива, Бухара –
Отныне в права на все страны
Вступила Большая Игра.

Британского льва интересы
Владельцы банкирских домов
Назвали "прогресс" –
и процессы
Пошли дрессировки умов.

Морская корсарская хватка
Всю землю стянула узлом
Финансов, а с ними, украдкой,
И всюду вдыхаемым злом

Безверия и фанатизма,
Смешения вер и племён,
Раздела их духом расизма
И жаждою смены времён.

За ключ Вифлеемского храма,
За братьев в османском плену
Хлебнул я и славы, и срама,
Втянувшись в иную войну,

В войну,
где Европа банкиров
Воюет с газетных страниц,
Чтоб стало мне
стыдно мундиров,
Царя и своих же границ.

И радуясь ёлке с гостинцем,
"Щелкунчиком"
тронут до слёз,
Я стать
расколдованным принцем
Мечтал в упоении грёз,

О братстве мечтал, и науке,
И видел их брезжущий свет,
И тут же в предчувствии муки
Страшился сменявшихся лет.

А в Киеве, городе-знаке,
Жил мальчик,
который был мной,
И был он убит, и не в драке,
Евреями, ранней весной.

Изранен он был изуверски,
Вся кровь его жил излилась,
И странен
поступок был зверский,
Ведь слитая кровь не нашлась.

Кривым пересудам и слухам
Давая простор и напор,
Водимые каинским духом
Пустили в Империи спор

И тех, кто вопил, что народ их
Ведут под кровавый навет,
Что антисемиты на продых
Не терпят культуру и свет, –

И тех, кто считал, что убитый
Не может быть не отомщён,
Что будут все правды разбиты,
Едва будет Бейлис прощён.

И, сжав кулаки или губы,
Хотели сжимать пистолет
В руках своих праведно грубых
Читатели гневных газет.

И был обвинённый избавлен,
И весело свет ликовал,
Что царский режим
был раздавлен,
Бессилен и падал в провал.

И точно меж местом мученья
И точкой могильною ждал
Овраг, но его назначенья
Никто пока знать не гадал.

А США как раз дали банкирам
Создать Федеральный Резерв,
Расправить,
как сети, над миром
Из долларов правящий нерв.

А царь же
рождён-то был в мае,
Шестого, на Иова день,
И тихо он ждал, понимая,
В какую вступает он сень.

Как Иову Бог на востоке
Хранящий покров с него снял,
А смысла страданий жестоких
Никто не постиг и не внял

Пророчеству в том о Голгофе
И Гробе святом и пустом, –
Так миру в моей катастрофе
Явлюсь я лишь бешеным псом.

Война! И Европа в могилу
Пошла в эшелонах солдат
Всей силою, ломящей силу,
Как силы прямой результат.

Я русский. Война до победы!
За сербов, Париж, за царя, –
И были бы беды не беды,
Когда бы не были бы зря.

Я русский. И, значит, убитым
Мне быть
в Прикарпатской Руси,
Ведь имя моё говорит им,
Австрийской и польской спеси,

Что путь по крови бесполезен,
Что попусту выщерблен меч, –
И я в Талергоф и Терезин
Посажен за русскую речь,

Повешен,
расстрелян, затравлен, –
А в тех, кто не вынесли мук,
В украинца был я ославлен,
Чтоб деда чурался бы внук...

...И в точку сошли все причины,
Россия лишилась царя,
И свянув, как сельные крины,
Распалась в конце октября.

Я русский. А значит, убитым
Я буду толпой упырей,
Ведь имя моё говорит им
О славе земли и царей.

Вернулись –
в азарте, без лени –
На Русь на нерусских судах
И Троцкий-Урицкий, и Ленин
С деньгами на тайных счетах.

Я русский. Так значит, убитым
Я буду в подвалах ЧК,
Ведь имя моё говорит им,
Что правда не в деньгах пока.

Не в деньгах? –
Так свято ж поверим
В победу трудящихся масс!
С евреями вместе, я зверем,
Преследуя вражеский класс,

Служить буду, счастия чая
В победе марксистской мечты,
Пока что паёк получая,
На храмах ломая кресты.

Я русский, и просто умру я
От тифа, испанки, глистов,
А жить научусь я, воруя
И пряча глаза от крестов.

Я русский, но слепо поверю
Границам на карте страны,
И ленинской мерой измерю,
Что русские всем и должны –

Евреям, грузинам, казахам,
Армянам, татарам, – что вот,
Не я, а затравленный страхом
Живёт украинский народ,

Живёт, но узнает он точно,
Кто воли ему не давал,
Ведь жил он отстало-восточно,
Пока не читал "Капитал".

Я русский, и я военспецем,
Врачом, инженером пойду
Служить, чтобы дети согреться
Могли б и достали еду,

Служить, хоть и новой России,
Но против всё тех же извне
Врагов, что народной стихии
Чужды, как и прежней стране.

Я русский, и просто уеду,
Гражданской войной нагрешив,
Неверие к белому деду
И внуку невольно внушив.

Уеду и розно, и строем,
В Харбин,
и Берлин, и Белград;
Разбитым, но как бы героем,
На пристань сойду в Цареград.

Попы, офицеры, поэты,
Врачи, инженеры, певцы
Ходили разуты-раздеты,
Сводили с концами концы,

Концы и начала причины,
Загнавшей меня в этот ад:
Дела ли Петра-дурачины,
Общины ли русской распад...

И медленно в тонком движенье
Я стал о себе разуметь,
Что Бог для иного служенья
Мне дал дерзновение сметь

Молиться, как ангел, свободно
В аллеях шанхайских трущоб,
В бюро и бистро принародно
Крестить образованный лоб.

И понял я дело Петрово:
Знакомым для них языком
Я жаждущим Божьего крова
Раскрыл Православия дом.

Среди кирпичей Вавилона
Всё чаще, то здесь, а то там,
Подножием Божьего трона
Христов приподымется храм.

...В России же
храмы за храмом
Взлетали в огне и в пыли,
И складами стали для хлама,
Меня чтобы хамом сочли.

Я русский. И в небо взлечу я,
Кровьми исповедав Христа,
Изведав и духом почуя
Победную славу креста.

И с неба в целительной славе
Я долу узрю упырей,
Что русское золото плавят
Для банков за зыбью морей,

И славят вождей, или спорят
О теле и деле моём,
И голодом пахаря морят,
Промышленный строя подъём.

И те же заморские банки
В Америке морят народ,
А немцам – кредиты на танки
И масло на их бутерброд.

Свершается Гитлера чудо,
Всем Рейхом Европа опять
Готова культуру оттуда
Нести и на мне применять.

Но чудо взлетит и Москвою,
Хоть Чудов
и срыт монастырь, –
Простой его силой святою
В Кремле расколдован упырь.

Отбросил он Троцкого дело,
Но тело разъятой Руси
Лишь только составить
успел он
И мёртвой водой оросил,

Срастил корпусами заводов
И магией кинокартин,
Тропой пионерских походов
И смехом без долгих причин.

А в лагерной пыли и гное
Валялись и мощи святых,
И прах палачей и героев
Ленинских мифов пустых.

И в день среди лета и света,
В день русских
святых всех эпох
Страну большевицких Советов
Войной посетил Господь Бог.

Европа войной посетила,
Чьим богом, решив, что навек,
Себя же саму ощутила –
Свой собственный
сверхчеловек.

И нечеловечески точно
Продумав любой эпизод
По дням,
а где надо, бессрочно,
Начав с "Бранденбург-800",

С бомбёжек от моря до моря,
Обрушился Рейх на меня,
Народы маня и поссоря
Со мной под напором огня.

Кошмаром, бессильно и даром
Я гибнул полками в котлах,
Но с каждым разящим ударом
Терял я привязчивый страх,

Стал русским,
не прячась во мраке
Марксистских заученных чар, –
А в Киеве, в городе-знаке,
Разверстым лежал Бабий яр.

Он ждал
тридцать лет и полгода,
И вот, хоть и снова с войной,
Сбывались надежды народа,
Уставшего мучиться мной.

Сбылись и мечты вышиванки
Надевших для встречи гостей,
Когда группа "Центр"
свои танки
Свернула с московских путей

На юг, и сломив оборону,
По Киеву немцы прошлись,
Пустив к европейскому лону
Припасть,
кто их тут дождались.

И в яр европейцы свалили
Евреев слоями их тел,
И разве что тех не убили,
Кто русское имя имел,

Кто призван был
в армию прежде,
Кто в тыл
с производством убыл,
Кому я в последней надежде
Отныне уж не был постыл.

Потом ещё русских два слоя
Убитых отправят в овраг,
Но знал я, уж версий не строя,
Какой посетил меня враг.

И дело не в том, что их танки
На юг отвлеклись от Москвы,
А в том,
что в глазах и в осанке
Видны стали те, кто правы.

Друг другу они всё простили,
Оставили в прошлой дали,
Всей силою вражеской силе
Вломили всей правдой земли.

Кому на труды обороны
Терпим был и псевдомонарх,
Вернулись на плечи погоны,
А в Церковь – её патриарх.

Вот символ, сугубый и грубый, –
Победа – и вражеский крах:
Горелые Гитлера зубы
У русской еврейки в руках,

В коробке, девятого мая,
В Берлине, когда, ошалев,
Несла она их, вспоминая
Заснеженный выжженный Ржев.

И ей тоже должно быть мною.
Но я не один победил,
За битвой за нашей спиною
Иной победитель следил.

И в денежный мир
Бреттон-Вудса
Народы измученных стран
И сами приучено рвутся,
И гонит их страх и обман.

Уран, небеса Хиросимы,
Исподний
пронзительный свет, –
Не с ним ли мы будем носимы
На Суд пред Господний совет?

Финальный проект Вавилона
Являет всё чётче черты,
Но той же всё белой вороной
Я так же мечтаю мечты.

Удерживать мир капитала
Пристало серпу с молотком,
Но Сталина больше не стало –
И стали мечты о другом:

Убогим – так ладно, о Боге;
А людям – цветное кино,
Таинственность йети и йоги,
Футбол, домино да вино.

Но враг называл меня русским,
Когда подзабыл я и сам,
Что в каждом
космическом пуске
Молился и я небесам,

Что в самом советском разгаре
Не все онемели уста,
Что прямо напомнит Гагарин
О взорванном храме Христа.

И срок для дорог был отмерен,
И каждый их выберет сам:
Кто имени русскому верен,
Тем нужен и космос, и храм,

Но срам бытия как фарцовки
Проест и генсека ЦК,
И вот уж не нефть
за кроссовки –
Отчизна идёт с молотка

В пятнадцати лотах довольных,
Дождавшихся смены времён,
Как дети – автобусов школьных
В музей истреблённых племён.

Но рано прошёлся парадом
Москвою глава ЦРУ,
По Божьим
надмирным раскладам,
Как Иов, и я не умру,

Как Иов, познаю я Бога,
Но раньше найду я ответ,
Так чем я гнушался с порога
Всю русскую тысячу лет.

Летят ко мне миссии папы,
Опять прилетит Билли Грэм,
Явят их былые этапы
В обилии схем да эмблем:

Их Бога как меру закона,
Как следствие скрытых за Ним
Астральных гармоний Платона,
Из Кордовы принятых в Рим,

Ансельмова Бога-сутягу
И Бога-педанта Фомы,
Кальвинова Господа-скрягу,
Начальника вечной тюрьмы,

Сбежавшего Бога деистов,
Пустившего мир как часы, –
Так как не понять атеистов,
Что истово крутят носы?! –

А сам человек осторожен,
Заложен в надёжный пакет,
И так, ни открыт, ни обожен,
Уйдёт, как и ждёт, на тот свет,

А как там ведут сортировку,
Решает Пелагиев спор,
Одним – уповать на сноровку,
Другим – угадать приговор.

Но в спорах
тех давних столетий
Истлели что люди, что Бог,
Как бремя, то время их дети
Отвергли во прах своих ног,

И сделали город до неба,
Где некуда взор подымать,
Где деньги растут
вместо хлеба,
Нужней, чем отец или мать.

И понял я дело Петрово
Молитвой умытым умом,
Мой дом сохранился покровом
Страданий
с надрывным трудом,

В Содом и в комфорт Вавилона
И мне было б лестно залезть,
Пока я за честь эталона
Париж умилялся зачесть,

Пока своей мудростью
крестной
Мой царь
сквозь молитвенный стон
Не отдал Царице Небесной
Державу, корону и трон,

Иначе я нынче бы зряче
Не шёл бы в последнюю сень,
Где, русское имя не пряча,
Взойду в нескончаемый день.

Январь – июль 2017,
Киев, Дымер, Ясногородка